

Введение

В индивидуальной исследовательской биографии автора проблематика книги возникла в связи с двумя наблюдениями. Во-первых, аргументы, которые связаны с потребностью морального субъекта стать совершенной личностью, реализовать в себе высшие возможности человека, вполне способны играть дезориентирующую или даже деструктивную роль в спорах по поводу оптимальной организации общественного пространства. В этой связи мне вспоминается острая дискуссия трехлетней давности в одном из диссертационных советов. Официальный оппонент, заметно отклонившись от тематики обсуждавшейся работы, обратился к «большой» теме отечественной философии – теме исторической миссии и судьбы России, высказав довольно стандартный, многократно повторявшийся до него тезис: нашу страну спасет нравственно ориентированная экономика, близкая национальной, высокодуховной ментальности, не принимающей утилитаристских установок. За этим последовал ряд гневных выпадов в сторону утилитаристской этической мысли. Известный специалист-этик, который присутствовал на заседании, попытался возразить, что понятие «польза» совсем не случайно занимает значительное место в этическом дискурсе. Оно органично вписано в набор фундаментальных ценностей морали, а утилитаризм как философски-мировоззренческое явление служит простым теоретическим отражением этого факта. И основная проблема этики, как и нравственной практики, состоит в том, чтобы найти оптимальный баланс социально-организационной стороны морали, для которой утилитаристские соображения неизбежны, с идеалом индивидуального совершенства.

Это выступление было принято большинством аудитории с заметной настороженностью, в особенности в связи с тем, что оно исходило из уст философа морали. Слушатели восприняли его как стремление снизить нравственные цели, стоящие перед человеком, как забвение того, что мораль учит нас «жить на земле как на небе» (привожу дословно). Подобная реакция даже довольно квалифицированной философской аудитории очень характерна. На мой взгляд, она скрывает под собой устойчивое недопонимание ряда проблем и парадоксов, связанных с фундаментальной неоднородностью морали. Такое недопонимание придает обрисованной дискуссии тенденцию к утомительному «вечному возвращению».

И второе наблюдение. Оно касается существенного расхождения двух теоретических образов морали. Один – задан общими этическими исследованиями ее природы, другой – присутствует в работах по теории справедливости. В первом случае мораль определяется через ее *неформальность, универсальность, неинституционализированность и абсолютную ценность каждого человека для нравственного субъекта*. Однако при подобном понимании морали сам дискурс справедливости лишается морального смысла, ведь он предполагает обсуждение оптимальной системы *институтов, специализированных норм и механизмов принуждения* обеспечивает общественную дисциплину и кооперацию. В этом случае справедливость попросту перестает быть этической категорией. И это несмотря на то, что живой нравственный опыт и преобладающая традиция моральной философии всегда сохраняли за ней этот статус.

Нельзя сказать, что такое положение является результатом простого интеллектуального невнимания авторов, пишущих на темы морали. Индифферентное или даже подозрительное отношение этиков к общественным проявлениям и функциям морали имеет глубокие истоки в самом нравственном сознании и в истории этической мысли. А основное направление развития, характерное для отечественной моральной философии в позднесоветский и постсоветский период, не могло не активизировать их.

Если вести речь об общеэтическом контексте, то главным истоком настороженности является опасение, что, приняв всерьез общественное назначение морали, можно потерять независимость морального субъекта от бытующих нравов, превратить его в «исполнительный орган общества» (А. Швейцер), сделать послушной шестеренкой в механизмах совершения «банального зла» (Х. Арендт). Это опасение либо дезавуирует реалистические соображения, связанные с потребностями социальной организации (в

духе «надо жить на земле как на небе»), либо ведет к требованию дефинитивной строгости: социально-функциональные нормативы не должны восприниматься как моральные.

Обращаясь к специфике отечественной этики, необходимо иметь в виду, что стартовой точкой ее развития в последние десятилетия была марксистская схема понимания морали. В ней социальный характер нравственных феноменов всячески подчеркивался. При этом речь шла о двух аспектах общественной природы морали. С одной стороны, последняя оказывалась необходимым регулятивным механизмом любого сообщества, с другой – отображением его наличного социально-экономического состояния (т. е. преимущественно идеологическим явлением). Одной из наиболее интересных подспудных тенденций позднесоветской этики была именно тенденция завуалированной борьбы с прямолинейным социологизаторством в моральной теории. Она выразилась в попытках зафиксировать моменты *внеположенности* морали по отношению к общественной практике или хотя бы имманентной *предзаданности* ей. Параллельно определенным коррективам подвергалась идея безраздельной зависимости нормативного содержания морали от конкретных социально-классовых отношений и интересов. Для этого использовались концепты «морали как человечности», «общечеловеческой нравственности», «общечеловеческого интереса» и т. д.

Эти антисоциологизаторские тенденции заметно усилились в постсоветский период развития отечественной этики. Мысль о трансцендентности морали по отношению к общественной практике получила распространение в самых разных ее интерпретациях: от идеи прямой боговдохновенности (что вполне понятно в связи с возрождением традиций русского философского ренессанса и православной ортодоксии) до указания на ее психологические и социобиологические основы. Нормативное содержание морали, в свою очередь, для многих этиков оказалось тесно привязано к религиозной аскетике, евангельской заповеди любви, а также к догматичному и абсолютистскому пониманию принципа ненасилия¹. Все это привело к своеобразной гиперкоррекции. Те варианты понимания морали, которые сложились в ходе преодоления теоретических штампов предыдущего периода, силою вещей оказались сосредоточены исключительно на

¹ Эта линия развития очевидна как для внешних наблюдателей (*Kline G. L. Soviet Ethical Theory // Encyclopedia of Ethics / ed. by L. C. Becker, C. B. Becker. N.Y.-L.: Routledge, 2001. Vol. 3. P. 1635*), так и для участников самого процесса (*Назаров В. Н. Российская этика. Основные тенденции развития // История этических учений: Учебник / Под общ. ред. А. А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2003. С. 892–894*).

выявлении ее индивидуально-перфекционистских аспектов. Вполне возможно, что это было необходимым очищением. Однако у него есть своя цена.

Прежде всего, российская этика на настоящий момент не имеет проработанного языка для обсуждения проблем социальной практики. Идеальное и абсолютистское понимание морали закрывает для представителей этического сообщества возможность продуктивного включения в обсуждение острых общественных проблем. В качестве носителей «алармистского» сознания они могут выражать свою обеспокоенность состоянием дел в обществе, но все различия между альтернативными реалистичными способами решения социальных противоречий для них часто оказываются несущественными. Для этической мысли стирается чрезвычайно важное разграничение между «большим» и «меньшим» злом, а понятие справедливости превращается в чуждое, принадлежащее к одновременно смежной и бесконечно далекой политико-правовой сфере.

На уровне исследовательской практики это сопровождается дисциплинарной изоляцией этических исследований. Если моральные нормативы должны быть строго разведены с прочими социально-функциональными предписаниями, то у этика остается очень немного точек соприкосновения с социологами, социальными психологами, политологами и другими специалистами в области социального знания. За исключением анализа ненасильственных движений, «неидеальность» которых также может лишь разочаровать философа морали, рассуждающего с позиций индивидуалистического абсолютного идеала.

Предлагаемая вниманию читателя книга призвана способствовать устранению упомянутой выше гиперкоррекции, обретению отечественной этикой теоретического языка, а также опыта обсуждения социально-этических проблем. Ее общий замысел связан с убеждением в существовании двух противостоящих друг другу и дополняющих друг друга репрезентаций морали. Одна – задает направление индивидуального совершенствования в том, что касается деятельного и практического самоосуществления человека. Ее смысловым центром является фигура индивида, находящегося в поиске смысла собственной жизни и выражающего результаты этого поиска в отношениях с другими людьми. Вторая – обеспечивает совершенство, то есть стабильность и упорядоченность, организованных межчеловеческих взаимосвязей в рамках определенного сообщества. В центре ее внимания находится совокупность правил и институциональных структур, позволяющих поддерживать здоровую социальную среду, а также набор личных добродетелей, отвечающих этой задаче.

В своем стремлении отразить фундаментальную двойственность морали и сориентировать отечественные этические исследования на анализ проблем общественной практики автор, конечно, не одинок. Некоторые из отечественных этиков в последние пять-шесть лет выступили с похожим призывом обратить серьезное внимание на социально-организационные проявления морали¹. Для кого-то из них это движение реализовалось как поворот от анализа нормативного содержания заповеди любви к теории справедливой войны, для кого-то – как поворот от критики рестриктивных и судебных форм морального сознания к поиску институционального измерения нравственных императивов. Таким образом, можно сказать, что в настоящий момент в рамках российского этического сообщества мораль заново переосознается как явление, в том числе, общественно-практическое. Однако существенным отличием от советской эпохи является независимость обсуждения социально-регулятивных и социально-трансформационных импликаций морали от довольно сомнительного марксистского «большого нарратива».

Одним из наиболее ярких событий, отразивших эти изменения в этической мысли и сформировавших исследовательский замысел этой книги, стала серия научных семинаров Новгородского МИОН по проекту «Ненасилие и справедливость: российские контексты» (2002–2004), проходивших в г. Валдае. Необходимо заметить, что ядром участников этого проекта были философы, чьи основные интересы находились в области теории морали. Многие из них когда-то участвовали в работе научно-просветительского центра «Этика ненасилия», профессионально занимаясь взглядами Л.Н.Толстого, М.К.Ганди, опытом ненасильственных общественных движений и т. д. Но в своем новом масштабном междисциплинарном проекте они не ограничились ставшей традиционной для них темой «насилие и ненасилие», а попытались соединить между собой два нормативных концепта, принадлежащих к разным измерениям или репрезентациям морали.

Но дело не только в этом. Самого по себе понимания неоднородности морали недостаточно для эффективного разрешения реальных социально-политических проблем, имеющих нормативную составляющую. Для этого необходимо выявить принципы сосуществования или принципы взаимодей-

¹ В качестве примера см. две работы Р.Г.Апресяна: *Апресян Р. Г.* Перфекционистский и дисциплинарный языки морали // *Оправдание морали. Сб. науч. статей. К 70-летию профессора Ю. В. Согомонова.* М., 2000. С. 38–53; *Апресян Р. Г.* Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // *Вопросы философии.* 2006. № 5. С. 3–17.

ствия ее сторон. Участники валдайских семинаров продемонстрировали готовность и к этому. В ходе установочных консультаций, проходивших в конце 2002 г., новгородские организаторы проекта предложили на общий суд упомянутое выше название коллективного начинания: «Ненасилие и справедливость». Оно, без сомнения, указывало на некое проблемное поле. Однако уже на первом собрании участники пришли к выводу, что это указание необходимо конкретизировать так, чтобы из названия был понятен и планируемый подход к проблемам. В первоначальном варианте слишком чувствовалась антиномичность двух базовых понятий, почти столь же резкая, как антиномичность «милосердия» и «справедливости» или антиномичность «справедливости» и «заботы». Однако никто из участников проекта, за одним показательным исключением, не собирался ее акцентировать. Скорее, присутствовало общее стремление ее преодолеть. Именно поэтому возникла новая формулировка темы проекта, которая использовалась в ходе дальнейших встреч на Валдае: «Справедливость и *возможности ограничения (!) насилия*». Она не только позволила философам морали выразить свое понимание неоднородности последней, свое движение к «неидеальной» постановке вопросов в «неидеальном» мире, но также дала возможность органично влиться в нормативный по своей направленности проект тем специалистам, чей исследовательский интерес носил не нормативный, а социально-фактический характер.

Именно опыт валдайских дискуссий продемонстрировал мне необходимость на самом общем теоретическом уровне определиться со спецификой различных репрезентаций морали, а также со способами их взаимодействия. Итогом размышления на эти темы стала предлагаемая читателю, предварительная по своему статусу теоретическая работа, которая представляет собой своего рода пролегомены к исследованию частных социально-этических проблем и к ситуативному анализу конкретных коллизий общественной практики.

В заключение несколько слов о методологических основаниях, на которые опирается монография. Так как данное исследование является этическим и ориентировано, в конечном итоге, на выдвижение нормативных рекомендаций, то основным элементом его методологии служит анализ нормативного содержания базовых социально-этических категорий, их взаимного порядка, а также моментов противостояния, несовместимости и несоизмеримости. Однако такого рода анализ не может осуществляться исключительно внутри самого философского сознания. Он реализуется на основе соотнесения утверждений, выдвигаемых философами морали, с живым нравственным опытом. Значительная часть выводов работы полу-

чена на основе своеобразного «челночного движения» между этими двумя полюсами, в ходе которого этическая теория не только выдвигает нормативные рекомендации, но также и корректирует свои исходные тезисы. Дж. Ролз обозначил подобный метод этического исследования как установление «рефлексивного равновесия».

В силу того, что феномен общественной морали складывается на основе специфики функционирования нравственных императивов в социальном пространстве, третьим ключевым элементом методологии служит коррекция моральных предписаний и нормативных рекомендаций в связи с учетом реалистического контекста, в котором осуществляется деятельность по воплощению нравственных ценностей. Этот контекст задается как общей спецификой социальных систем, выявляемой социологией и политической теорией, так и особенностями современного (или пост-современного) общества. Другими словами, в исследовании систематически используется своеобразный тест на реалистичность и практическую эффективность, которому подвергаются определенное нормативное содержание и механизмы его практического воплощения.

Так как у проблемы неоднородности морали (а также у конкретных социально-этических вопросов, зависящих от способа ее разрешения) существует длительная и продуктивная традиция обсуждения, то значительное место в работе занимает историко-философский материал, проблематизированный в соответствии с основными теоретическими задачами монографии. Выбор подобной исследовательской стратегии не случаен. Он обусловлен тем наблюдением, что наиболее удачные, в хорошем смысле провокационные и оставляющие за собой шлейф интересной полемики исследования по этике последних десятилетий были осуществлены именно специалистами в области истории этических учений (преимущественно, специалистами по философии Аристотеля, И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля). Привнесение ими профессионально освоенного историко-этического содержания в область теоретического анализа вопросов моральной философии создало значительные прорывы в дискуссиях, которые позиционно велись до того десятилетиями. Этот факт свидетельствует о том, что обращение к философской традиции представляет собой движение вперед, а не назад. Именно оно позволяет поставить под вопрос некоторые устойчивые, «пред-рассудочные» убеждения, формирующие общераспространенные подходы к решению исследовательских проблем.

С другой стороны, использование историко-философского материала в качестве контекста для обсуждения вопросов, занимающих современное этическое сообщество (или, вернее, совокупность таких сообществ), дает

существенные преимущества, касающиеся самой истории идей. И дело не только в том, что, следуя при создании истории этических учений прямолинейному и ригористичному историзму, можно потерять любой другой смысл исследования, кроме историко-описательного. Есть и более важное соображение: в содержании ключевых философских текстов прошлого многое просто нельзя увидеть без их именно теоретической, а не сугубо исторической проблематизации, нацеленной на анализ динамики учений или на установление их персональной и культурной почвы.

Именно поэтому первая глава монографии была оформлена в виде последовательных, соединенных аналитическими связками экскурсов, посвященных моральной философии Ф. Ницше и А. Бергсона, нравственному учению Л. Н. Толстого и политической теории Х. Арендт. Именно поэтому в структуре второй главы постановка общих проблем теории справедливости осуществлялась с опорой на историко-философские «зачины», отсылающие нас к этическим воззрениям Аристотеля, И. Канта, Д. Юма и др.

Мне хотелось бы выразить свою признательность тем людям, без общения с которыми и без помощи которых эта книга никогда не увидела бы свет. Прежде всего, я должен поблагодарить Р. Г. Апресяна – своего бесценного научного руководителя (и консультанта), который в течение десяти лет заботливо и заинтересованно наблюдал за моей научной работой, открывал для меня новые исследовательские перспективы и «пробовал на прочность» мои выводы и тексты. Я хотел бы выразить также глубокую признательность А. А. Гусейнову, под влиянием работ, выступлений и лекций которого формировалось мое исходное теоретическое представление о морали. Именно попытки осмыслить и в чем-то оспорить его целостную и монолитную концепцию основного предмета этики задали главные сюжетные линии данного исследования.

Замысел моей книги определился в 2000–2005 гг. во время работы и докторантской учебы в секторе этики Института философии РАН, тогда же сложился ее текст. Общение с замечательными людьми, которые трудятся в этом месте, сформировало не только интеллектуальный, но и психологический климат работы над монографией. Я бесконечно признателен за многостороннюю помощь и поддержку О. В. Артемьевой, П. А. Гаджикурбановой, О. П. Зубец, М. А. Корзо, Л. В. Максимову.

Среди тех, кого я также не могу не упомянуть в этом коротком благодарственном тексте, присутствуют сотрудники кафедры философии и культурологи Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого (прежде всего, В. Н. Назаров, Е. Д. Мелешко, М. Л. Ключоз-

ва). Именно на этой кафедре я получил первые уроки исследовательской деятельности.

Я хотел бы также поблагодарить тех специалистов (этиков, социальных и политических философов), контакты с которыми существенно повлияли на самую тематику монографии и на способы решения затронутых в ней проблем. Для меня как автора текст книги пестрит невидимыми читателю следами многочисленных бесед, отзывов и обменов репликами. Среди тех, чьи следы особенно значимы, я хотел бы назвать Т. А. Алексееву, Н. Василевне, Г. Г. Водолазова, А. Г. Здравомыслова, В. К. Кантора, Б. Н. Кашникова, Б. Г. Капустина, В. С. Малахова, Э. Ю. Соловьева, А. В. Разина, В. Г. Федотову.

Наконец, хотя в самом введении я упомянул ту роль, которую сыграли в истории этой книги валдайские мероприятия Новгородского МИОН, мне хотелось бы выразить признательность не только безличной научно-организационной структуре, но и конкретным людям, приводящим ее в движение. Я благодарен С. В. Девяткину, Е. Г. Луковицкой, И. А. Ушановой за теплое новгородское гостеприимство и плодотворное научное сотрудничество.